

Примечания

¹ О влиянии Евангелия на будущих народников см. также: *Кан Г.С.* «Народная воля» в историографии последних лет // *Российская история.* 2020. № 2. С. 128; *Кан Г.С.* Вера Фигнер — известная и неизвестная // *Российская история.* 2021. № 2. С. 215.

² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М.; Л., 1965. С. 30–33.

³ *Русанов Н.С.* На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 120.

⁴ В книге он фигурирует как А.А. Крестовоздвиженский — по фамилии из фальшивого паспорта. См. также: *Буланова-Трубникова О.* Варвар // *Суд идёт!* 1928. № 22. Стб. 1235.

⁵ *Стеблин-Каменский П.А.* Григорий Анфимович Попко // *Былое.* 1907. № 5. С. 189, 191.

⁶ Беседа в марте 1882 г. с арестованным Стефановичем, Судейкин вспоминал, как «выбрал самого несчастного, плюгавого городского и приказал ему остановить Осинского на улице и попросить в участок. Я был уверен, что Осинский пойдёт, потому что ему и в голову не мог-

ло прийти, что для его ареста избрали тщедушного, мизерного бударя!» (Неопубликованное письмо Я.В. Стефановича Л.Г. Дейчу / Публ. Л.Я. Лурье и А.Б. Рогинского // *Учёные записки Тартуского государственного университета.* Вып. 369. Труды по русской и славянской филологии. XXVI. Литературоведение. Тарту, 1975. С. 194).

⁷ Но, конечно, и в ней встречаются досадные неточности. Так, А.И. Корниловой-Мороз ошибочно приписаны (с. 100) слова кн. П.А. Кропоткина (*Кропоткин П.А.* Записки революционера // *Революционеры 1870-х годов.* Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 86, 89–90). Кружок М.А. Натансона сложился не в начале (с. 177), а поздней весной 1876 г., и был преобразован в общество «Земля и воля» в октябре того же года. Тогда же к нему присоединился А.Д. Михайлов, до этого не входивший в какие-либо революционные кружки и прибывший из Киева в Петербург только в августе 1876 г. (Показания А.Д. Михайлова на следствии // *Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н.* А.Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 88, 98, 111).

Андрей Николаев

Первая научная биография «вождя чёрной реакции» Н.Е. Маркова*

Andrey Nikolaev

(Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

The first scientific biography of «the leader of the black reaction»

N.E. Markov

DOI: 10.31857/S2949124X24030158, EDN: GCLJNE

А.А. Иванов создал первую как в отечественной, так и в зарубежной литературе научную биографию Н.Е. Маркова — руководителя одной из крупнейших дореволюционных политических партий, принадлежавшего к числу известных и узнаваемых депутатов Государственной думы, лидера правой русской эмиграции. В книге впервые реконструирован весь жизненный путь Маркова — от рождения до смерти, выделены и освещены основные этапы его политической

деятельности. Монография является результатом двадцатилетнего труда и логично продолжает и углубляет работы автора, посвящённые правым политикам¹.

Исследование Иванова основано на широком круге источников, выявленных историком в зарубежных (США, Германия, Украина) и российских, как федеральных (ГА РФ, РГВИА, РГИА), так и региональных (ГА КО, ЦГИА СПб) архивах, в Отделе рукописей РГБ и в коллекциях

* *Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.

Дома русского зарубежья. Фотографии, удачно иллюстрирующие описываемые сюжеты, извлечены из фондов ЦГАКФФД СПб и Курского областного краеведческого музея. Вместе с тем Иванов почти не обращался к архивным документам Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ГА РФ, ф. 116). Впрочем, существенная их часть опубликована. Возможно, стоило бы привлечь и подборку, хранящуюся в Государственном архиве Республики Татарстан (ф. 407, оп. 1, д. 176). Тщательно проработан автором большой массив центральной и региональной периодической печати Российской империи, внимательно изучены публикации в эмигрантских изданиях, делопроизводство Курского губернского земства, стенографические заседания Государственной думы, материалы Объединённого дворянства, дневники и мемуары современников Маркова и т.д. В научный оборот введено немало новых текстов, среди которых особое место занимают ранее неизвестные марковские статьи в газете «Свет» и журнале «Мировая служба». Всё это, к сожалению, лишь бего очерчено во введении.

Монография состоит из введения, 16 глав, заключения и именного указателя. Во введении (с. 5–12) Иванов констатирует, что «имя Николая Евгеньевича Маркова не принадлежит к числу забытых и неизвестных», поскольку «образ правого политика оказался крайне востребованным советской пропагандой для обличения контрреволюции и реакции» (с. 5). При этом «сам Марков либо демонизировался, либо представлялся в карикатурном виде», а для этого, разумеется, не требовалось углубляться «в детальное изучение его биографии и политических взглядов» (с. 6). В отечественной историографии ситуация «начала меняться с 1990-х годов и особенно в 2000-е годы», когда были

отброшены прежние «штампы» и появились первые научные труды, посвящённые черносотенному движению и правым в Государственной думе, не исключая и Маркова (с. 7–8). Но зачастую очерки и статьи, затрагивающие различные аспекты его биографии, «представляют собой лишь пересказы работ других авторов, повторяют накопившиеся и закрепившиеся в исторической литературе ошибки и неточности и не обогащают историческую науку ни новыми источниками, ни новыми сведениями» (с. 9).

В первой главе «Отпрыск славного рода» (с. 13–35) подробно прослеживается родословная Маркова и точно установлено место его рождения. Ранее писали о том, что он родился или в Симферополе, где его отец служил директором гимназии, или в Курске, или в одном из родовых имений в Щигровском уезде Курской губ., или даже в Арзамасе, как по неизвестной причине указал сам Марков в конце жизни. Но, судя по архивным документам, ему довелось появиться на свет всё-таки в Симферополе, там же в кафедральном соборе его крестили (с. 26). В этой же главе впервые собраны сведения о детстве и юности Маркова (с. 27–28), его учёбе во 2-й московской военной гимназии и в Институте гражданских инженеров (с. 28–29) и последующей службе в армии (с. 29–30). В частности, прежде не было известно о том, что он служил в артиллерии и перед увольнением в запас получил чин прапорщика, чем гордился, заседая в думской комиссии по обороне и выступая «в защиту армейской субординации» (с. 30). Неудивительно, что в годы Первой мировой войны, став членом Особого совещания по обороне государства, Николай Евгеньевич, который, по мнению А.А. Чиркова, не имел военного опыта², достаточно компетентно рассуждал об артил-

лерийских проблемах (с. 353–354). В 1890 г. Марков обзавёлся семьёй и поступил в МВД, откуда его как гражданского инженера командировали в распоряжение правления Общества Курско-Киевской железной дороги, назначив начальником 3-ей дистанции. В середине 1890-х гг. он предпочёл «карьеру свободного архитектора в Москве», уже весной 1904 г. увлёкся общественной деятельностью, став в мае гласным Щигровского, а в сентябре — Курского земства (с. 30–33). На этом поприще ему хотелось, чтобы «власть в земской управе оставалась за помещиками-хозяевами, а не перепоручалась нанимаемым специалистам-интеллигентам, среди которых было немало сторонников либеральных и революционных идей» (с. 34).

Иванов впервые детально рассказывает, как Марков втягивался в политическую борьбу. В главе «Курский зубр» (с. 36–68) анализируется его выступление в Курском губернском земском собрании 6 января 1905 г. (с. 38–40), показана роль Николая Евгеньевича в Курской народной партии порядка (КНПП) (с. 42–54), большое внимание уделено речам, произнесённым им на Всероссийском земском съезде в Москве в июне–августе 1907 г. (с. 56–63). В них он, в частности, критиковал крестьянское самоуправление «и идею замены имущественного ценза налоговым», возражал «против всеобщего избирательного права в земские органы» и демократизации земств, которая «приведёт к тому, что из рук культурных и хозяйственных оно попадёт в руки неумелые; что увеличение в земстве представителей крестьян не будет способствовать тому, что крестьянская жизнь начнёт улучшаться, поскольку крестьяне в большинстве своём ещё не готовы вести земское дело» (с. 57–60). Там же прозвучали его слова о том, что «дворян слыш-

ком мало, они редуют и скоро будут также редки, как зубры в Беловежской пуше». Благодаря им за оратором и закрепилось соответствующее прозвище (с. 63–67).

В главе «“Диктатор” Курской губернии» (с. 69–91) автор выявляет степень влияния Маркова на родине. Приведённый в книге материал свидетельствует, что в Щиграх и Щигровском уезде оно действительно было велико, но в губернских делах ощущалось уже гораздо меньше. Тем не менее это давало повод для «расследований» злоупотреблений политика. Первую антимарковскую кампанию оппозиционные издания развернули в конце 1909 — начале 1910 г. перед выборами в Щиграх в городскую думу и в земское собрание (с. 76). Однако «набор выявленных правонарушений “курского зубра” оказывался каждый раз довольно скромным» (с. 77). И хотя Иванов признаёт, что «обвинения в адрес Маркова в деспотизме и диктаторстве, сыпавшиеся на него со стороны политических противников, при всей своей партийной ангажированности не были бесосновательны» (с. 86), конкретные примеры подобного поведения в монографии не указаны.

В отдельной главе рассматривается участие Маркова в избирательных кампаниях 1906–1907 гг. (с. 92–117). В I Думу он не баллотировался, стать депутатом II Думы ему также «не довелось», хотя на выборах он представлял Союз русского народа (СРН), «позиционировал себя как земский деятель, хорошо понимавший народные нужды, “горячий поборник крупных сокращений земских расходов и уменьшения земских повинностей”» (с. 96–97). Причины неудачи автор не поясняет, но утверждает, что «поражение не сломило Маркова»: «Напротив, он и его сторонники развернули в Курской губернии кампанию,

целью которой была чистка местных выборных органов от либералов, скорейшее подавление революции и ослабление позиций левых радикалов». По словам Иванова, черносотенцы активно противодействовали «щигровским эсерам, лидером которых был крестьянин И.Е. Пьяных, организовавший Щигровский крестьянский союз», и «в результате планомерной борьбы с местными левыми добились прекращения революционной агитации в уезде». В оппозиционных кругах утверждали, что Николай Евгеньевич «способствовал передаче дела о Щигровском крестьянском союзе на рассмотрение военного суда» и был причастен к аресту Пьяных (с. 98–99). Позднее Маркова обвиняли даже в «ложном доносе, склонении судей к внеправовым решениям и “в происках” по осуждению левого депутата» (с. 415). Но каким был его реальный вклад в подавление щигровских эсеров, сказать трудно.

Гораздо заметнее были успехи в столкновениях с либералами: удалось добиться смещения с должности щигровского уездного предводителя дворянства А.А. Шекина, которого на этом посту сменил старший брат «диктатора» — Лев Евгеньевич, а после «чистки» земского собрания в уезде и удаления подписавших Выборгское воззвание первоумцев Марков стал «признанным лидером правого большинства Курского губернского земства» (с. 100–106). Роспуск II Думы и изменение избирательного законодательства «суущественно увеличили шансы Маркова и его единомышленников попасть в число депутатов народного представительства нового созыва». Николай Евгеньевич уже «по праву считался одним из самых ярких лидеров СРН в Курской губернии» (с. 108). Кроме того, у него «был в руках набиравший всё большее влияние в губернии инфор-

мационный ресурс — ежедневная газета “Курская быль”» (с. 109). Марков шёл на выборы под лозунгом «За веру, родину и царя» (с. 110). Занятая им позиция сводилась к тому, что «волю самодержца всероссийского мы всегда будем свято чтить и исполнять, а потому и признаём Государственную думу как учреждение, к подготовке законов царскою волею поставленное... но, конечно, мы никогда не дерзнём самовольно утверждать, будто это установление свободной царской воли в чём-либо умаляет или притеняет царскую власть» (с. 111). В ходе кампании он, видимо, не брезговал подкупом крестьянских выборщиков (с. 112–113), «громил не только кадетов и социалистов, но и октябристов» (с. 113). В итоге «из 11 избранных депутатов около половины были членами СРН» (с. 113–114).

Четыре главы книги освещают события 1907–1912 гг., когда Марков заседал в III Думе. Автор описывает внешность Маркова, который был похож на Петра Великого (с. 119–123), оценивает его личные качества и ораторские способности (с. 124–137), приводит как апологетические, так и критические отзывы о правом политике его единомышленников и антагонистов, перечисляет прозвища и эпитеты, которыми его награждали современники («Марков-Валяй», «Медный всадник», «курский соловей», «курский горлан», «трубадур реакции и шовинизма» (с. 130) и др.)³.

Анализируя думские речи и высказывания Маркова, Иванов выделяет в них такие аспекты, как «Государственная дума и политический строй» (с. 139–147), «право и свобода» (с. 147–153), «аграрный вопрос и переселенческая политика» (с. 153–162), «рабочий вопрос» (с. 162–164), «народное пьянство» (с. 164–165), «окраинная политика и национальный вопрос» (с. 165–190), «черносотенный террор»

(с. 190–195), «Православная церковь» (с. 195–197), «армия и флот» (с. 197–208), «просвещение и народное образование» (с. 208–214). Причём иногда в этих разделах приводится материал, относящийся к дискуссиям в IV Думе (с. 165, 188), что, видимо, объясняется нежеланием разрывать однородные эпизоды, затрудняя тем самым их понимание. Но, к сожалению, автор не указал, сколько раз Марков обращался к той или иной теме.

Историк убедительно доказывает, что вопреки расхожему мнению, Марков не только принял обновлённый строй, но и на протяжении долгого времени отстаивал необходимость существования Государственной думы, обещая от имени правых «искреннюю помощь государю императору в его законодательных трудах» (с. 146). Не оспаривал он и принципа верховенства права, хотя и считал его неприменимым в экстраординарных условиях (с. 147). Поэтому он сопротивлялся принятию закона о неприкосновенности личности (с. 149) и ратовал за применение телесных наказаний к политическим преступникам (с. 151). Особую неприязнь вызывали у него адвокаты, казавшиеся ему «наёмными пособниками преступлений» (с. 148).

В то же время Марков защищал от нападков крупное частное землевладение, ссылаясь на более высокую производительность труда в помещичьих хозяйствах, поддерживал столыпинскую аграрную реформу, разрушение общины, создание класса зажиточных крестьян-собственников и расширение деятельности Переселенческого управления (с. 153–160). Исходя из того, что «рабочие составляют относительно небольшой процент от общего числа населения России», Николай Евгеньевич вспоминал о них реже, но категорически отвергал легализацию «забастовок, стачек и создания каких-либо рабочих организа-

ций». Оказание помощи трудящимся, по его мнению, следовало полностью возложить на государство и предпринимателей (с. 162–163). В целом в социальной политике ему скорее была свойственна осторожность. Так, сочувствуя борьбе с пьянством, он «отвергал такие радикальные методы как введение “сухого закона” и полное закрытие питейных заведений, поскольку считал их не способными привести к чаемой цели — народной трезвости» (с. 164). Вместе с тем, «являясь убеждённым сторонником строгого государственного контроля над образованием», он, «не стесняясь, называл свою точку зрения “полицейской” и подчёркивал, что не видит в этом ничего плохого, так как государство обязано охранять учебные заведения от “вторжениям преступных элементов”» (с. 209).

Депутат чутко следил за тем, чтобы «с думской кафедры не делалось никаких высказываний или даже намёков на особый статус в империи тех или иных её регионов и окраин», «видя в таких заявлениях проявления сепаратизма» (с. 165). Неудивительно, что он одобрял изменение статуса Финляндии «ради сохранения целостности империи» (с. 167) и «оказался в числе противников польской автономии, в которой видел лишь этап борьбы за полную национальную независимость» (с. 172). Марков принял «столыпинскую идею введения земства в Западном крае» (с. 173), но счёл опасным прецедентом «выделение из губерний бывшего Царства Польского “исконного русского края” — населённой преимущественно малороссами Холмской губернии», так как «власть тем самым признавала наличие внутри страны польского государства» (с. 173–174). Кавказский наместник гр. И.И. Воронцов-Дашков обвинялся им «в потворстве инородческому сепаратизму и пренебрежении русскими

интересами» (с. 174–175). Одновременно Марков бравировал антисемитизмом, твердя, что «не разделяет евреев по вероисповедному признаку, а считает вредным элементом как евреев-иудеев, так и евреев-христиан» (с. 177).

При этом декларировалось, что «русский народ... должен чувствовать себя хозяином своего государства, он должен стоять на первом плане во всех отношениях, без всякого вреда и злобы к тем народам, которые своего государства не имели счастья создать» (с. 189). Как отмечает Иванов, для Маркова понятие «русские» не было «сугубо этническим». Этим словом скорее обозначался человек, «принадлежавший к русской культуре и разделявший базовые, с точки зрения правых, присущие русской народности качества — православие, монархизм и патриотизм» (с. 190). Характерно, что когда либералы обвиняли СРН в применении насилия, «Марков всегда вступался за честь союза, неизменно отстаивая позицию, согласно которой ни руководство партии, ни видные её члены никакого отношения ни к погромам, ни к актам единичного террора не имели» (с. 191). Как защитник интересов Церкви он обличал попытки «законодательного пособничества к отпадению от православия» (с. 196).

Беспокоясь о силе империи и престиже её войск (с. 198), лидер правых «выражал озабоченность технической оснащённостью армии, её вооружением, требуя усилить производство оружия, в частности пулемётов» (с. 199). Возрождение же и модернизацию флота, по его мнению, следовало начать не с броненосцев, а «с флотилии миноносцев и в особенности подводных лодок и береговых канонерок (подвижных батарей)» (с. 203). Позднее, когда император решил строить линейные корабли, Марков отказался от прежних взглядов (с. 206). Но если

работа Маркова в комиссии по государственной обороне отражена в монографии (с. 199), то о том, что он делал в других комиссиях, например, в бюджетной, финансовой, для выработки проекта всеподданнейшего адреса, для рассмотрения штата канцелярии Государственной думы, о путях сообщения, по Наказу, для рассмотрения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного характера, — ничего не сказано⁴.

Вполне обоснованно в одной из глав изложены все случаи думских скандалов с участием Маркова (с. 215–242)⁵, в том числе и происходивших после 1912 г. Было бы любопытно, если бы автор сравнил, насколько отличался дуэлянт и скандалист Марков в IV Думе от того, каким его знали ранее.

В главе «Борьба за лидерство» (с. 243–290) говорится о превращении Маркова из провинциального политика в черносотенного вождя всероссийского уровня. Особое внимание при этом уделено его разногласиям с А.И. Дубровиным и различиям между «марковским» и «дубровинским» направлениями в правом движении (с. 244–248). Иванов, видимо, разделяет мнение Дубровина и первого казначея СРН И.И. Баранова, согласно которому причиной раскола «союзников» стал личный конфликт Маркова с Е.А. Полубояриновой (с. 247–248). В отношении же самого Дубровина Николай Евгеньевич почти никогда не позволял себе резких выпадов, а основатель СРН одно время рассматривал «курского зубра» как своего преемника (с. 250–251). Исследователь проанализировал зависимость правых от «тёмных денег», выделявшихся правительством на секретные расходы (с. 261–279), показал, как Марков укреплял свой

авторитет среди единомышленников, используя для этого создание газеты «Земщина» и «Вестника СРН» (с. 251), личное участие в торжествах, сопровождавших прославление свт. Иоасафа Белгородского (с. 280–281), организацию съездов (с. 282) и т.д. Характеризуются также его взаимоотношения с П.А. Столыпиным (с. 257, 262, 284–285), который, по словам Маркова, «поддерживая умеренную часть СРН финансово», вовсе «не испытывал к черносотенцам особых симпатий и работал на ослабление их влияния» (с. 284). Лидеру «обновлённого» СРН приходилось даже вести полемику с членами Всероссийского национального союза, который не без оснований воспринимался как структура, созданная правительством, искавшим умеренную альтернативу крайне правым (с. 286–290). Неудивительно, что во время избирательной кампании 1912 г. Марков вынужден был бороться «не только с социалистами и либералами, но и с оппонентами из правого лагеря — дубровинцами и националистами» (с. 295–302). Несмотря на это, в Курской губ. он не только сам победил на выборах в IV Думу, но и провёл в неё «исключительно своих сторонников» (с. 304).

В своих выступлениях, посвящённых внешней политике, балканским проблемам и славянству (с. 317–318), Марков вплоть до лета 1914 г. оставался «противником сближения с Лондоном и сторонником сохранения дружеских отношений с Берлином» (с. 318–319). Тем не менее, когда началась Первая мировая война, он стремительно сменил риторику на резко антигерманскую (с. 329–333). В главе «Господи, пусть будет победа» (с. 322–357) раскрывается его отношение к «немецкому засилью» (с. 334–336), к полякам и евреям (с. 336–337), к «народной трезвости» (с. 338), к действиям властей в сфере промышленности

и финансов (с. 338–342), к положению рабочих (с. 342–344), к цензуре (с. 344–347), дипломатии (с. 347–348) и практической работе, направленной на помощь фронту (с. 350–352). К удивлению многих депутатов, в Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства Марков «быстро зарекомендовал себя человеком, хорошо разбирающимся в самых сложных вопросах» (с. 353). Однако о его прежнем германофильстве не забывали, хотя, по словам автора, «и перед началом войны, и во время её, и после её окончания Германия и немцы волновали Маркова исключительно с одной точки зрения — насколько полезны или вредны они могли быть для величия и могущества русской самодержавной монархии» (с. 354–357).

Как бы то ни было, увлечённый патриотической волной, Марков даже пошёл навстречу Прогрессивному блоку, проголосовав 20 июля 1915 г. за резолюцию, которая требовала создания власти, опирающейся на «народное доверие». Впрочем, как пишет Иванов, «позже, в 1916 году, Марков признавал, что тогда правыми была допущена ошибка, и им не следовало ради мнимого единения примыкать к формуле, в которой шла речь о министерстве общественного доверия». Вскоре он уже называл действия блока «“осадой власти”, подчёркивая, что в условиях войны она является абсолютно неприемлемой» (с. 359). Как справедливо указывает автор, «Марков и его единомышленники не видели разницы между “министерством доверия” и “ответственным министерством”», полагая, что под любой вывеской оно «будет ущемлять prerogatives самодержца и передаст их случайному большинству Думы» (с. 360). При этом отмечалось, что «в Германии правительство как раз не ответственное, а назначается кайзером...

И тем не менее... Германия оказалась подготовленной к войне в весьма высокой степени» (с. 362). Однако такие отсылки лишь раздражали оппонентов: «Прерывая его речь, с левых скамей Маркову кричали “ступайте в Германию!”» (с. 363).

В то же время, защищая государственный строй, Николай Евгеньевич не отрицал упущений Военного министерства, «оказавшегося неготовым к мировой войне». Но в этом случае «виноватыми себя, по совести, должны были признать и члены Государственного совета, и члены Государственной думы, обсуждавшие законопроекты военного и морского ведомств и входившие в комиссию государственной обороны» (с. 364). Марков критиковал либеральную оппозицию, которую считал виновницей «министерской чехарды» (с. 365), «и деятельность общественных организаций — Земгора и военно-промышленных комитетов, созданных для помощи фронту» (с. 366). В ответ его упрекали в том, что подобные заявления дискредитируют эти учреждения «в интересах германского Генштаба» (с. 368). Создать собственный Чёрный блок в противовес оппозиционному правые не смогли (с. 379). Их слабость привела в итоге к «уничтожению» Маркова. 22 ноября он выступил с речью, которая прерывалась «замечаниями и выкриками нетерпимого к оратору думского большинства (по стенограмме заседания до 50 раз, а по мнению некоторых правых — значительно больше)» (с. 394). Даже председатель Государственной думы М.В. Родзянко сделал ему замечание, Марков резко ответил и был лишён слова, и, сходя с трибуны, обозвал обидчика «мерзавцем» (с. 394–395). Последовавший скандал, сознательно раздутый «до невообразимых размеров», вызвал «демонтаж последней думской плотины, стоявшей на пути Прогрессивно-

го блока, — фракции правых» (с. 401). За считанные дни она сократилась с 53 до 20 членов (с. 404).

Ответственность за события Февральской революции Марков возлагал не только на «иудо-масонов», но и на Государственную думу, либералов, деградировавшую элиту, одурманенный народ и «союзников России по Антанте» (с. 425). Весной 1917 г. правому депутату приходилось скрываться в Финляндии от победивших революционеров, уничтожавших и захватывавших имущество СРН. В июне изменившего внешний облик политика выследили и арестовали. Однако Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства после допросов не предъявила ему никаких обвинений (с. 408–417). Со своей стороны, «оказавшись на свободе, Марков сразу же принялся за создание подпольной монархической группы», которая собиралась подготовить «мощный аппарат, способный при благоприятных обстоятельствах совершить переворот в Петрограде, освободить царскую семью и восстановить императора Николая II на престоле, а в случае его отказа — передать престол царевичу Алексею» (с. 426–428). Правда, «вопрос о вызволении Николая II и его семьи из царскосельского плена тогда не ставился», поскольку Маркова заверили, что «царь считает свою жизнь в безопасности и на такой риск не пойдёт». Поэтому Николай Евгеньевич сосредоточился на «собрании осколков дотла разгромленного Союза русского народа» (с. 433). Одновременно заговорщик присматривался к большевистскому движению, к которому «относился “сочувственно”, руководствуясь принципом: “Чем хуже — тем лучше”, надеясь “использовать большевиков в том смысле, чтобы дать им возможность свергнуть Вр[еменное] правительство, а потом придушить их самих”» (с. 428–429).

В 1918 г. Марков проживал «на конспиративных началах» то в Финляндии, то в Петрограде или Москве, а в июне 1919 г. «под именем штабс-капитана Льва Николаевича Чернякова» вступил в ряды Северо-западной армии (с. 434–444). Поселившись в Ямбурге, он взялся за издание газеты «Белый крест», месяц спустя закрытой генералом А.П. Родзянко «за монархизм» и «вызывающий черносотенный характер». На её страницах Иванов обнаружил две статьи, написанные лично Марковым (под инициалами «Л.Ч.»). Одна из них была направлена «против попыток создания в Сойкинской волости Ямбургского уезда так называемой Ингерманландской республики», вторая прославляла белое офицерство (с. 445–449). Поражение Н.Н. Юденича вынудило Николая Евгеньевича перебраться сначала в Ригу, Усть-Двинск и Ревель, а в мае 1920 г. — в Мюнхен. В июле он уже прибыл в Берлин (с. 450, 453).

Последние четыре главы монографии охватывают эмигрантский период жизни Маркова. Никогда ещё его политическая активность 1920–1930-х гг. не исследовалась столь обстоятельно и полно, чему, безусловно, способствовало глубокое знание автором прессы Русского зарубежья.

В Германии Марков «превратился в “берлинского зубра”» (с. 451), будучи в 1920–1922 гг. редактором журнала «Двуглавый орёл» (с. 476) и «одним из организаторов берлинского Русского общественного собрания, на базе которого стали объединяться монархисты» (с. 454). Находившийся под его руководством «Союз верных» к 1920 г. «образовал сеть своих ячеек в Европе и в Советской России» (с. 468–469). В 1921 г. Марков и его сподвижники инициировали проведение Рейхенгалльского съезда, ставшего «самым представительным и масштабным фо-

румом русской правой монархической эмиграции». Подробно рассказывая об этом событии, Иванов отмечает, что Марков, «настроенный на консолидацию всех монархических сил, не только сам избегал на съезде крайне правых суждений и формулировок, но и поправлял иногда своих единомышленников». В итоге он на несколько лет оказался во главе Высшего монархического совета (ВМС), избранного съездом (с. 457–468). Заметное влияние оказывалось им и на церковные дела русской эмиграции (с. 477–482). При этом стремление Маркова к доминированию в монархическом движении провоцировало склоки, отталкивавшие монархистов-конституционалистов (с. 500–502). Непросто складывались и его отношения с «кирилловцами» и «николаевцами», союз с которыми «не был искренним» (с. 502–520), с бароном П.Н. Врангелем (с. 520–526, 527–532) и РОВС (с. 526–527, 532–533). Таким образом, констатирует Иванов, «начав свою эмигрантскую деятельность в качестве признанного большинством монархистов лидера, довольно скоро Марков превратился в вождя лишь одной из монархических “партий”... число подчинявшихся ему организаций с каждым годом сокращалось, ряды сторонников редели, а количество противников и соперников увеличилось» (с. 533).

В 1925 г. Марков вынужден был переехать в Париж, где попытался «реанимировать угасавший ВМС и возобновить издание “Двуглавого орла”». В апреле 1926 г. он участвовал в Российском зарубежном съезде и даже был избран в состав его бюро (с. 537–542), но в те же дни на Съезде монархического объединения, сославшись на состояние здоровья, сложил с себя обязанности председателя ВМС. По мнению Иванова, в действительности к такому решению его подтолкнула критика со

стороны А.Ф. Трепова, кн. А.А. Ширинского-Шихматова, Б.Г. Кеппена и др. (с. 546–547).

В том же 1926 г. существенно ударил по влиянию Маркова раскол в Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). Находившийся в Париже управляющий русскими православными приходами в Западной Европе митрополит Евлогий (Георгиевский), желая сохранить каноническую связь с Москвой, разорвал отношения с Синодом РПЦЗ и перестал почитать его главу митрополита Антония (Храповицкого). Марков осудил этот шаг, а «Двуглавый орёл» развернул кампанию против «евлогийанского раскола». Но «для Парижа эта позиция оказалась маргинальной». Николая Евгеньевича исключили из местного прихода «за грубую агитацию против своего епископа». За ним последовало лишь несколько десятков «маркиан» (с. 547–555). А разоблачение в 1927 г. операции «Трест», в которой чекисты отвели некогда знаменитому политику важную роль (с. 482–491), окончательно его дискредитировало (с. 555–556). После этого ему оставалось только обличать еврейско-масонский заговор. Прочитанные им на эту тему лекции легли в основу книги «Войны тёмных сил», вышедшей в 1928–1930 гг. и отождествлявшей иудаизм, масонство, либерализм, социализм и коммунизм с сатанизмом (с. 557–564). Восстановить былую репутацию это не помогло, как и последовавший в 1931 г. переход в лагерь «кирилловцев», заставивший Маркова покинуть ВМС. Между тем в том же году прекратилось издание «Двуглавого орла», и его редактор «остался без постоянного заработка» (с. 564, 570–580). Приходилось заниматься деньгами и думать о мемуарах (с. 564–569).

Остаток жизни Марков провёл в нацистской Германии, куда уехал

в 1935 г., негодуя на охвативший Францию «пароксизм советомании». Причём, возвращаясь в Берлин, он уверял племянника: «Я ещё боец» (с. 580–581). И хотя Иванов вполне убедительно доказывает, что Марков по-прежнему мечтал о реставрации православной самодержавной монархии (с. 596) и далеко не во всём симпатизировал национал-социалистам (с. 594–595), сделанный выбор, глубоко ошибочный и преступный, его «неутомимая борьба с коммунизмом, антисемитизм и масонофобия завели его в конце жизни в стан врагов собственной страны и родного народа» (с. 622). 22 июня 1941 г. он приветствовал немецкое вторжение в СССР (с. 613). В монографии Иванова впервые анализируется марковская публицистика 1939–1945 гг. (с. 614–618). Также автор установил, что Николай Евгеньевич не погиб во время бомбёжки, как долго считалось, а умер в своём доме в курортном Висбадене после тяжёлой болезни 22 апреля 1945 г. (с. 620–621).

В «Заключении» Иванов констатирует, что «сотрудничество Маркова с германскими нацистами как бы перечеркнуло все предшествующие страницы его биографии, превратив в одиозную фигуру» (с. 624), хотя он « всю свою жизнь был убеждённым патриотом и желал России и русскому народу блага, величия и процветания». «Конечно, — признаёт автор, — это не означает, что своими поступками он не мог приносить Родине зла, но это всегда было последствием его политических ошибок, а не сознательных действий во вред своей стране и своему народу» (с. 625–626).

Несмотря на отдельные недостатки, например, отсутствие списка использованных источников и литературы, который украсил бы этот труд, монография А.А. Иванова несомненно является прорывом в отечествен-

ной биографике правых политиков начала XX в. Автору удалось дать все-стороннюю и объективную характеристику личности, взглядов и поступков Н.Е. Маркова, раскрыв мотивы, которыми он руководствовался в своей государственной и общественной деятельности.

Примечания

¹ *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013; *Иванов А.А.* Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. Изд. 2. СПб., 2020; Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. В 3 т. Т. 1. [*Иванов А.А.*]. Консервативные партии. М., 2022. См. также: *Иванов А.А., Степанов А.Д.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Отв.

ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 309–317; *Богоявленский Д.Д., Иванов А.А.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 283–286.

² *Чирков А.А.* Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 261.

³ Чаще всего его, конечно, именовали «Марков 2-й», так как его дядя – октябрист Николай Львович числился в думских списках как «Марков 1-й» (*Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. С. 115–116).

⁴ *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008. С. 357.

⁵ См. также: *Иванов А.А.* «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018.

Вадим Дёмин

Судьба «зубра»*

Vadim Demin

(Moscow City University, Russia)

The fate of the «bison»

DOI: 10.31857/S2949124X24030169, EDN: GCJFZE

До недавнего времени можно было сказать, что Н.Е. Маркову не повезло в историографии. Однако после появления книги профессора Санкт-Петербургского университета А.А. Иванова, известного знатока правых партий начала XX в., ситуация коренным образом изменилась. Монография стала результатом многолетнего труда, в ней использованы материалы девяти российских, американских, немецких и украинских архивов, а также широкий круг опубликованных источников. Автор от-

лично знаком не только с российскими и зарубежными исследованиями, но и с образом Маркова в массовой культуре XX в., включая советскую печать 1920-х гг. Дополнительную ценность изданию придают около 40 фотографий, карикатур и иных иллюстраций. Некоторые из них публикуются впервые. Иванов подробно рассмотрел все аспекты жизни и деятельности лидера черносотенцев, включая его происхождение, архитектурное творчество, влияние, приобретённое им в Курской губ., и т.д.

* *Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.